

Тимофей НИКОЛАЙЦЕВ

ТЯГУЧИЕ ЦЕПКИЕ ВОДЫ

Р а с с к а з

Левиафанов день выпал сегодня на долю лоцмана Ирвы.

Саам повторил это про себя, глядя с мостков на вечный и тягучий напор реки.

Что теперь стонать, что теперь корчиться, что хлопать себя по бесполовому лбу? Что рвать на голове спутанные патлы? Ни к чему это...

Ничего это уже не решит и не исправит. Левиафан извечно смотрит на тебя из реки, распластав прозрачное жидкое тело по дну. Река темна... река мутна после дождей... по реке плывут взбитые пузыри, древесный и лиственный сор. Закручиваются водовороты, открывая белесую изнанку воды. Говорят, это бельма в глазах Левиафана. Река неторопливо смаргивает их, выталкивает на стоячую воду заводей, и стрежень реки уже почти чист.

Ошметья коры и щепки качаются на воде, словно игрушечные лодочки. Множество их прибило под доски причалов, и, бултыхаясь, они скребутся снизу, будто просясь на волю. Но течение шлепками мокрых ладоней загоняет их все глубже, в скользкое от водяной гнили нутро.

Гулко шлепает вода, обгладывая дощатый край мостков. Говорят, это Левиафан дышит с темного дна. Время от времени ему надоедает лежать без движения на глубине и он поднимает к поверхности свою украшенную бурунами голову, в космах которой запутались кости топляка, — и тогда, разомкнув жадную пасть, он сглатывает кого-либо — просто так, без всякой цели и без всякого выбора. Так это бывает — расходятся волны, обнажая знобкую стремнину языка и коряжистое горло, булыжники донных камней лязгают друг о друга, перекусывая хребет плоту, с треском и хрустом оживают тогда ползучие бревна под ногами. И люди, и груз скачут по ним, как блохи по зубьям банного гребня, — спаси и сохрани. Брызги фонтаном ударяют меж бревен, словно и впрямь кто-то огромный нырнул под плот и дохнул снизу пузырящейся, вспененной водой. Ничего не сделаешь тут. Левиафанов день может оказаться любым из следующих дней твоих. И тогда, скача по взбесившемуся настилу плота, можно лишь гадать и молиться, чтобы день этот оказался чьим-то, но не твоим.

Кто-то непременно уйдет тогда в мутную воду, чтобы никогда из нее не вернуться. Пусть только не ты, пусть не ты...

Так сегодня и случилось. В точности так...

Когда на ровном месте, на чистом стрежне, на сплавной тропе, хоже-ной уже сотни раз, вдруг оскалился из воды заостренный клык топляка, Саам отчего-то почувствовал сразу, что Левиафан всплывает сегодня не по его душу. Он хотел было оглянуться на лоцмана Ирву, но не успел — плот вдруг ударило снизу и швырнуло, аж приподняло. Осевые бревна затре-щали, какой-то миг сопротивляясь напору, ломавшему плот, но треск поч-ти сразу же сменился хрустом... балки лопнули, выскочив из пазов, ве-ревные узлы хлестнули и ослабли — и заплясали бревна, задергалась опора, выворачиваясь из-под ног. Оглушительно переломилась кормовая гребь, и щепка полетела высоко вверх — намного выше голов. Плот накре-нился и кормой вперед скользнул под цепкую воду, роняя с настила людей, тюки и бочки. Река поднялась и хлынула через плот, который был теперь не плавучим островом, а деревянной мелью, — и, кружа водоворотами, понесла прочь все барахтающееся и плавучее. Вода рябила от всплесков. Потом плот рывком освободился — словно выплюнула его пучина. Ша-рахнулась из воды притопленная корма, мотнув размочаленными облом-ками погребницы*. Но лоцмана Ирвы уже не было видно при ней. Саам упал на локти и, вцепившись в настил плота, долго глядел сквозь воду, на-сколько она пускала взгляд... но нигде его не нашел — ни подводного пару-са куртки, что плавником взмахнула бы напоследок... ни взмоченной пакли волос... Одна только зеленая рябь да пузыри с далекого дна.

Сглотнул Левиафан лоцмана Ирву. Сглотнул кормильца и воспитате-ля. Искорежил плот, истребал и ополовинил поклажу. Он, словно ночной грабитель, безжалостно вывернул карманы Саама и приютившей его се-мьи — мгновенно, но основательно вычистив все, что было ценного. Пу-сты теперь карманы Саама.

Саам поежился и утопил руки поглубже в карманах полотняного пла-ща. Потом почувствовал ему движение в наплывающих сумерках — он вгля-делся туда. Последние две лодки возвращались к пристани. Они были пу-сты — шли больно уж ходко. Вот подняли весла, вывесили их над водой. Заскребли деревянные борта о торцы досок. Ни в одной лодке, ни в дру-гой не было ничего даже на дне — только темная вода ополаскивала го-ленища сапог гребцам и ловчему. С задней лодки выставил багор смутно знакомый ловчий — толкнул им переднюю, что замешкалась у сходней. Саам поспешно отвернулся, чтобы прибывшие не увидели его лица... не увидели бледной тоскливой паники на нем. Все, что удалось выло-вить из реки, откисало сейчас на берегу. Приказчик, который осматривал и записывал спасенный груз, посмотрел на лодки мельком и сделал знак рукой, чтобы мужики обвязывали куцый штабель. Вся поклажа с раз-битого плота уместилась под единым куском парусины. Мужики, тихо пе-реругиваясь, разматывали веревку и тянули узлы. Саам побрел прочь — сначала по одним доскам, качающимся и плюхающим, потом по другим, что вминались и чавкали... наконец, просто по грязи... по мелкой вытоп-танной траве... по раскатистой и твердой булыжной мостовой. Он шел

* Погребница — на плоту: большая уключина для гребни (кормового весла).

бесцельно, а потому шел медленно — уже и лодочники выволокли лодки, перевернули их пузами кверху. Управившись, они гурьбой потопали следом. Саам издали услышал, как они бухают сапогами и сипят промокшими портянками. Довольно быстро его нагнали, но не стали останавливать и требовать денег — Левиафанов день был сегодня для утонувших и выплывших. Не время взыскивать долги, а время пить и горевать, обхватив голову руками.

И Саам пошел туда, где ожидали видеть его этой ночью. И лодочники, чуть приотстав, тоже пошли — держа его как бы в центре большой молчаливой подковы. Благо, что топать было недалеко. Саам высоко поднял воротник, хоронясь от взглядов из окон — жалеющих вроде, но пристальных и хмурых, как бы оценивающих — насколько ссутулена его спина, насколько шаркает походка... Не задумал ли чего? Идет ли в кабацк праздновать чудесное свое спасение или пропивать последние медяки, куда и их назавтра не отобрали. Все, кому Саам вдруг стал должен в тоскливый этот день, потащились за ним, неотвязно и молча, до самых кабацких дверей. Не оставят они его, не спустят глаз и, уж конечно, не дадут выйти — ни к околице, ни вниз, к реке и мосткам, к черной спасительной воде — последнему приюту разоренного.

Заскрипела дверь, и притих при его появлении гомон и пересуды — вести летят быстрее крика, быстрее всплесков и треска бревен с воды, летят на пятках босоной пацанвы, на коромыслах баб. Его уже ждали тут — молча раздали с самого края, освободили стол у стены, затеплили желтый керосиновый огонь. Поднесли выпить... настороженно поднесли — без пожеланий, без хлопков по плечам... выставили на стол одинокий штоф и мятый жестяной стакан, который выбросить не жалко, когда он допьет и сморится. Положили ломаный каравай, крупную соль горкой поверх. Он сел и пил... и смотрел долго-долго в закопченное стекло, где прыгало шаткое пламя, а потом и в глазах стало по-копченому темно... и он лег тогда лицом на твердые шершавые доски, отодвинув рукавом хлебные крошки и крупинки рассыпанной соли, чтобы не впились они в горячую твердую кожу лба, и... прежде чем уснуть, прежде чем забыться сном черным и тревожным, как омут... увидел он в щели промеж досок свои тряские, ходящие ходуном колени — те стукались одно о другое, и звук этот был — как от трения двух сосновых поленьев, сухих и щепастых...

Еще даже утро не пришло, как опять протяжно заскрипела дверь, и многие шаги продавили половицы; потом задвигали стульями — и тогда Саам поднял голову со стола, провел пятерней по щеке и по лбу и остался доволен пусть только тем, что ничего не просыпалось из-под его ладони. Он был хорошим плотогоном, в этом никто не мог бы сказать ему поперек, да и лоцман Ирва, утопший вчера, знал этот участок реки так же хорошо, как хозяин знает свой двор. Левиафанов день случается даже у лучших плотогонов, чего уж теперь... Их было четверо, сидящих напротив. Саам не знал, с кем вел дела Ирва и чьим был вчерашний груз, — его место было у носовой греби, и только. Но лица трех людей, оседлавших

стулья, были ему знакомы. От них всех одинаково кисло несло лошадей, как от погонщиков, да и их собственный пот, напитавший одежду, еще не вполне просох. Чем богаче одежда, говорят, тем виднее на ней пот и грязь дороги. Саам мигнул и нахмурился, стараясь скрыть страх, закипающий внутри. Черные бороды двух братьев были густы и курчавы кольцами, и словно яркое утреннее солнце просвечивали сквозь эти бороды золотые зубы... а выше, под черными же кустистыми бровями, пучились на него бешеные глаза. Саам лихорадочно гадал, что из потерянного груза принадлежало братьям Сарпетян, хотя что тут гадать — это же разбойники, — не мешки с мукой же, не бочки с рыбой... Должно быть, те два окорванных жестью тяжеленных сундука, над которыми лоцман Ирва трясся, как курица над яйцом, — поместил в самый центр плота и накрепко принайтовал их к самым толстым, опорным бревнам, обложил вокруг и поверх прочими мешками и тюками. Ни одного из сундуков не осталось на обломках плота, потому как именно эти бревна переломил Левиафан — Саам с тоской припомнил плещущий брызгами пролом в середине и как трепыхалась в нем требуха развороченных и перекрученных волнами алых и синих тряпок — точь-в-точь как внутренности в распоротом брюхе. Владелец этих дорогих крашенных тканей тоже был здесь — сидел на стуле верхом, будто под ним все еще находилась скачущая во весь опор лошадь, кнут в яростной бледной руке извивался как змея — то крутился раздвоенным концом по половицам, разметая сор от вчерашнего застолья, то льнул к голенищу мягкого сапога. Он был взбешен и опасен несколько не меньше, чем братья Сарпетян, потому как был богат — владел десятью красильнями, и полями льна, и ткацкими мастерскими, и бог весть чем еще владел, а таким богатством трудно владеть, если ты не опасен. А вот четвертого из пришедших по его душу Саам видел впервые и удивился, когда этот четвертый заговорил вдруг первым — ни яростные братья, ни всадник, терзающий кнут, отчего-то не решились ни начать раньше, ни прервать его. Значит, решил Саам, этот невысокий невзрачный человек и есть самое главное мое несчастье, с ним нужно говорить и он будет решать, какой будет отныне моя жизнь... и будет ли она вообще...

Что-то странное было в нем, в этом четвертом...

Он не был похож ни на хозяина, потерявшего груз, ни на приказчика, считающего убытки, — не выглядел сердитым или даже расстроенным. Он поприветствовал Саама, назвав того по имени, и сдвинул шляпу набок — одновременно почтительно и насмешливо.

Он, наверное, снял бы ее совсем, если б под шляпой не таилась обширная плешь, слишком позорная для столь молодого мужчины. Потому шляпа сдвинулась аккуратно до границы плешу, но глаз Саама, наметанный на то, чтобы отыскивать среди бликующей воды малейшие признаки далекой мели, различал эту плешь совершенно отчетливо — по тому, как реддеют волосы, словно пучки водорослей, случайно выбравшихся из тихой ямы в быструю воду.

Стараясь не подавать виду, будто заметил плешь, Саам поклонился поочередно братьям Сарпетян и владельцу красильни, чтобы ненароком

не вызвать их гнева, а потом склонил голову перед лысеющим незнакомцем и принялся ждать, когда его о чем-либо спросят.

Странная сосущая тоска наполняла его, как вышедшая из берегов река наполняет водой размытый погреб. Он знал, что будет худо — у семьи, его приютившей, но так внезапно осиротевшей вчера, вряд ли осталось достаточно денег, чтобы покрыть ими хотя бы часть потерянного груза, не говоря уже о тяжелых разбойничьих сундуках. Да и не посмеет он, Саам, помыслить об их деньгах. Доброта приемной семьи имеет свои границы, а уж теперь, после потери кормильца, и вовсе нет у них никакой надежды. Старуха — жена лоцмана Ирвы, две его худые некрасивые дочери, что будет теперь с ними? Одна, без мужа, старуха наверняка сляжет, а девки в отчаянии будут выть над ней. Плачем и причитаниями наполнится изба, и будет скулить, вторя им, лохматый пес — такой же старый, как лоцман Ирва, и такой же невезучий, как Саам. Жалобным бляньем ответят ему костлявые козы, привязанные в траве у высокого берега. Коз, конечно, зарежут. Свернут головы патлатым курам. Возможно, отнимут посуду и навязанные про запас сети. Даже если не погубит семью гнев этих четверых, так ведь и сельские мужики, что доверили лоцману Ирве свои мешки, пройдутся частым гребнем по небогатому хозяйству, по сенам и погребу, по сеновалу, по дровянику, который Саам старательно наполнял, таская вечерами тяжелые колоды от реки.

Вот бы старуха успела хоть что-то припрятать, подумал Саам.

Еще вчера он храбрился, надеясь этот громадный свалившийся долг хоть как-нибудь отработать. Он же хороший плотогон. Владелец красилен, например, мог бы купить хорошего лесу на свой собственный плот — и Саам бы его построил, он ведь умел не только стоять на гребни, но всем плотогонным ремеслам лоцман Ирва его обучил; он без устали стучал бы топором, делал бы по удару на каждый стук сердца, и все удары пошли бы впрок. Новый хозяин мог бы нанять ему помощников среди бездворовых мужиков — бестолковых, но сильных и согласных трудиться задешево. Он мог бы поручить это Сааму — обслуживать сплавом весь десяток своих красилен и таскать лен с лугов, это ведь будет выгоднее, чем покупать каждый раз место на артельном плоту, — Саам бы водил плот, а мужики бы тянули его через шиверы* и плесы. Да и братья Сарпетян... Тоже могли бы измыслить что-нибудь своим разбойничьим умом, неужели не пригодился бы им смысленый и на смерть обязанный плотогон? Но в проклятый тот день лоцман Ирва связался со всеми троими разом — и такой долг весил куда больше одной человеческой жизни.

И был еще этот... незнакомый четвертый... в присутствии которого не решались нарушить молчания ни бешеные братья, ни богатый мануфактурщик, способный купить хоть пяток деревень, как эта, — вместе с мужиками, бабами и их худыми козами.

* Шивера — мелководный участок реки с беспорядочно расположенными подводными и выступающими над поверхностью воды камнями и быстрым течением.

Плешивый незнакомец пугал его до смертного холода, хотя не тряс кулаками и не твердил угроз. Просто буравил Саама взглядом, будто оценивая... будто пробуя его отчаяние на вкус... и не говорил ни слова. Чудилось Сааму, что он слышит, как понемногу растет плешь у того под шляпой.

Потом вдруг зарядил дождь снаружи — Саам услышал, как барабанит, все набирая и набирая силу, по крыше кабака. Тогда плешивый кивнул своей шляпой, словно до того и не раздумывал вовсе, а просто ждал этого дождя. Тотчас ожила, шевельнулась плеть в руках владельца красилен — Саам решил, что тот ударит сейчас ему поперек рожки... но не ударил. Зато оживились, подскочили братья — облапили его, заломили руки, потащили кверху, упираясь курчавыми жгучими бородами.

Они были выше Саама на две его бедные головы — он почти висел у них на руках, едва-едва находя опору каблуками. И опять — не стали его лупить с размаху о столешницу мордой, как непокорную рыбину... просто держали.

А плешивый дал знак еще кому-то — открылись двери, за ними был сплошной поток воды с неба, и оттуда, снаружи, прямо сквозь дождь протащили длинный ящик на веревочных петлях. Саам, обмирая, решил — то его гроб вносят прямо в кабак... но ящик со стуком швырнули на ближайший широкий стол и раскрыли ломami — он оказался не гробом, и в нем было не тело, а что-то похожее на доспех из кольчуги, только черное, а не стальное серое. Помощники растянули это на руках и примерили к Сааму — так буднично и просто, что тот помимо воли принялся вырываться. Он мельком разглядел плотную ткань, пропитанную резиной, увидел трехслойный складчатый воротник в лямках ремней. Потом из ящика достали как бы ведро, но такое тяжеленное, толстое, клепаное, что при одном только взгляде на него нестерпимо заломило шею. Среди заклепок там было еще и круглое стекло в рамке. Саам с ужасом посмотрел на плешивого, тот все кивал и сдержанно улыбался...

Все было как-то странно, все шло не так. С самого Левиафанова дня, прямо с того мига, когда Саам хотел оглянуться на лоцмана Ирву, но не успел... Еще тогда Саам понял, что запутался и не понимает теперь, какое событие должно следовать за каким. Он налег на гребь, пытаюсь зачем-то сдвинуть бревенчатый нос плота со стрежня, и сразу почувствовал дробящий удар снизу и рывок гребни из рук — содранные ладони до сих пор его помнили.

Гребь, сделанная из молодой сосны, была ровной и гладкой, как восковая свеча, в крепкой оболони; она сопротивлялась, не желая быть сломленной, она упруго выгибалась, но вода вскипела под ней, и невидимая, но порождающая водовороты тяжесть перла напролом, дерево не успевало согнуться с такой поспешностью и сдалось — скрутилось, выпустив длинные заусеницы, треснуло вдоль, раскрыло щепастое нутро и вывернулось из рук, полностью... навсегда... Невозможно сопротивляться Левиафану. Саам тоже смирился — дал себя упаковать в эти жесткие, пахнущие резиной одеяния, что весили едва ли не больше, чем он сам, — только отчаянно набирал воздуха в грудь, когда с силой утягивали его ремнями.

От тяжелого тугого запаха плыла голова — затянули последний ремень на шею, обернув ее многими слоями резины, как кочерыжку капустными листьями. Жесткие складки уперлись в подбородок, и Саам теперь не мог опустить голову, не мог смотреть под ноги, пока его рывками вели к реке. Внизу, на хлябающих чудных сапогах было навешано железа — чуть не по пуду на каждый. Главный из помощников — смиренный усатый дядька, что затянул и проверил каждый ремень и каждый узел, — объяснял ему на ходу, как передвигать теперь неподъемные эти ноги. Словно учил ходить младенчика. Ничего-ничего, это пока трудно, пока тяжело — в воде будет все не так... легче... медленней... Дождь хлестал по реке, как ополоумевший, — она раздулась внизу под пригорком, опоясала берег беспокойной тугой петлей, исходила брызгами и кругами. Говорят, в такую непогоду Левиафан приходит на место недавних своих проказ — навестить тела тех, которых намерен был сглотнуть вчера, да не сглотнул почему-то... Приходит пошуровать под корягами, разгрести топкий донный ил, подсобрать замыленные кости. Говорят, дождь потому и гонит уцелевших от реки, чтоб не искушали судьбу дважды подряд. Говорят, нужно в воде прямо держаться, столбиком — когда железо на ногах потянет в пучину. Не дергаться, не пытаться плыть, упаси господь, — не выплывешь никуда, только зазря утопнешь. Кто так говорит, удивился Саам. Эй, да это ж уже дядька его наставляет, еще и еще раз проверяя на ходу узлы и пряжки. Ослабил бы хоть, дышу же через раз. Нельзя, нельзя — так нарочно будет. Чтобы башкой не крутил, водолаз, чтобы под ноги себе не заглядывал ненароком.

На причалах горят фонари, стекла их горячи и курятся паром.

Они уже внизу, спустились — Саам не видит реки, не видит мостков и трапов, не видит даже, на чем поплывет, — только качается все вокруг него и под ним, проседают и выпрямляются доски, брякает железо о мокрое дерево... с шуршанием разматываются за спиной веревки и плоские брезентовые шланги, пока еще пустые. Братья Сарпетян на самый берег за ним не пошли, погрозив напоследок да посулив что-то неразборчивое за свои сундуки. Где ж их искать, пробовал увещевать Саам — не братьев, нет... Хоть усатого дядьку. Но тот, пусть и смиренный, и вовсе слушать его не стал. Все проверял и проверял узлы и ремни, все щупал — правильно ли заходят одна на другую складки этой плотной, нечувствительной к дождю ткани. Все твердил о том, чтобы прямо Саам держал башку, как канет в воду. Даже привязал поплавок на макушку этого шлема-ведра. Саам с тоской озирался на берег — все село собралось, несмотря на дождь. Экое ведь диво. На мостки их не пустили, так толпились по обрывистым берегам... заглядывали сверху, ухватившись за космы высокой травы, рискуя оскользнуться и сверзиться в реку.

А дядька все дергал ремни, все укладывал петли и все твердил про то, как ноги пошире ставить да не поднимать их высоко, а сами шаги чтобы помельче, по чуть-чуть — там, на дне, и коряги, и скользкие камни... шагнешь не так, упадешь... или даже просто наклонишь башку сильнее,

чем можно, и... все. Упустишь воздушный пузырь сквозь воротник — сразу булькнет на его место вода.

Заскрипело и заплескалось сквозь дождь... и Саам, всем телом оборотившись назад, увидел, наконец, на чем поплывет. Лодка подходила к причалу — утлая, гнилая по бортам... что-то длинное волочило за ней по воде. Лодочники, вымокшие до нитки, в изнеможении бросили весла, вцепились в протянутые им багры. Замелькали среди брызг и ряби глубокие ковши, вычерпывая из лодки. Веревка, что тащилась за ней, ужом извивалась в течении — закрепленная, должно быть, на том берегу... А вот не пойти, осмелился вдруг Саам. Упасть, вцепиться в причал — что они сделают-то? Прибьют, что ли, при всем честном-то народе? Да и пусть бы — всё не Левиафану в глотку идти. Саам, напрягая шею, посмотрел наверх — там, среди всех других людей, братья Сарпетян всё грозили ему, неслышимые сквозь ливень. Старуху тоже прибьют, если не пойду, понял Саам. Страшно ведь прибьют, размолотят батогами прямо в постели. А девок сволокут к реке и снасильничают, засунув головы под воду, — даром что страшненькие... Он зажмурился и поторопил усатого дядьку — давай уже, ведро-то свое... нахлобучивай...

Дядька, однако, не спешил с ведром — прилаживал Сааму на грудь, закрепляя ремнями крест-накрест, плоский ящик с линзой. Про дагерротипы Саам знал и на ярмарке видел, как такими аппаратами мастера портреты, а потому, поразмыслив про себя, решил, что воспользоваться им как нужно вполне сумеет: удивительная вещь, но в общем-то не сказать, чтоб сильно мудреная. Дядька заставил его несколько раз дотянуться рукой и нашарить вслепую нужный рычажок. В резиновой рукавице это было совсем несподручно, словно крутое яйцо топором чистить. Что ж, подумал Саам, сияясь усмехнуться про себя, не только сундуки отыскать велено, но и Левиафанов портрет. Не вышло у него усмехнуться — дрожал и кривился перекошенный рот, зуб на зуб не попадал. Задраивай меня уже, служивый, мочи нет... Подняли ведро, тяжело подняли — вдвоем... надвинули, отсекая дождь. Тот барабанил теперь несильно и неслышно — изнутри ведро было обито мягким. Дядька покрутил его, осаживая, поправил — через стеклышко только усы и были сейчас видны Сааму.

Раздулись и напряглись шланги, закрепленные на плечах. Зашипело в ведре, мгновенно затуманилась стекляшка перед глазами. Нагнетаемый воздух резко пах горячим маслом и кожами. Почти полностью ослепший, но направляемый добрым десятком рук, Саам спустился в лодку, пристроил неподъемные ноги и сел наконец, нащупав мягковатую гниль бортов и свежую совсем, твердую поперечину. Воздух давил и давил, раздувал воротник, потом нашел неплотное место и с шипением попер наружу. Стеклышко чуть прояснилось, сквозь него видел Саам, как копошатся тени, колотя ломami, — дно лодки хрупнуло и булькнуло водой. Торопясь, его оттолкнули от берега. Веревка шарахнулась из реки, натянулась — и лодка нетерпеливо рыскнула носом, ровняясь по ней. Воды уже набралось — по щиколотку... Слишком быстро — то ли перестарались, ломая дно, то ли дождь сверху так хорошо наливал. Не утонуть бы

у самого причала. Вот же конфуз будет. А плешивый-то, подумал вдруг Саам и скрипнул зубами, даже из кабака под дождь не пошел.

Впрочем, что ему Саам.

Важная он, видать, шишка, раз замыслил такое. Сундуки разбойничьи спасать — это дело, конечно, гиблое, и не стоит оно того. А вот добыть портрет Левиафана, что испокон веку топит плоты на реке... Зачем только? Любо́й малец на реке скажет — не имеет Левиафан одного облика, но имеет многие... Да и разве спасет плоты то, что лоцманы будут знать свою смерть в лицо? Ирва, с тоской взмолился Саам, кормилец ты мой, отец, хозяин, да что ж мы творим, куда ж идем... Он вспомнил вдруг, как упал на колени на покореженном плоту и, глядя в тягучую цепкую воду, пожалел о том, что так молча и внезапно ушел от него наставник — не оставив ничего прощальному взгляду. Неужели, подумал теперь Саам, неужели для того и иду в бездну, чтоб проститься с ним, как было должно? Эта мысль вдруг придала ему сил. Он сел ровно, вцепившись в борта и глядя вперед — сквозь дождь и плескучие волны.

Лодка уже порядком осела — всплески падали прямо через борт, как яблоки. И дождь, хоть и так был ливнем, но тут совсем припустил — колыхалось вместо неба сплошное полотнище. А ну как найду сундуки, гадал Саам, елозя ногами в зеленой воде, дадут ли братья-разбойники старухе да девкам хоть что? Верно — дадут, положено же так: утопившему лапти — горевать, а спасшему сапоги — радоваться. За спасенное из реки добро всегда награждают. Хоть бы и один сундук отыскать, и тому обрадуются братья. Обязаны дать. Старуха все одно сляжет без мужа, пусть хоть девки...

Вода бурлила около самых колен, будто сатанея оттого, что не может промочить насквозь, добраться до волгло́й кожи. Было чудно и странно уходить под воду вот так — сухим, не промоченным.

Нет, точно, решил Саам, сам Левиафан придет посмотреть на такое диво. Сам выпучит мутные перекрученные бельма, разинет пасть в изумлении. Неужто вправду будут у него донные булыги вместо зубов? Вот он разъярится должно быть, когда увидит сухого Саама в своем мокром царстве.

Нос лодки был уже неразличим, скрыт бурунами. Веревка больше не тащила его по воде, но тянула сквозь толщу, на самое дно. Саам упирался ногами в скользкую изнанку бортов, удерживая равновесие. Только бы не перевернулась эта рухлядь, только бы ногами вниз начать тонуть, как дядька учил. Столбиком... Громадные тугие пузыри всплыли вдруг одновременно справа и слева... и лодка заплясала по ним. Левиафан ударил хвостом из глубины — скорчилась вокруг лодки мгновенная стоячая рябь.

Пришел — замерев всем телом и даже мыслями, подумал Саам.

Пришел Левиафан.

Пришло его, Саама, Левиафаново время.

И вдруг опустилось на Саама неведомое ему доселе спокойствие.

Придержало огромными шершавыми ладонями с боков, потом стиснуло и растерло между... Все уже сделалось, все само совершилось,

и не было смысла дергаться, не было смысла биться во вскипевшей разом воде, как дурачку. Просто не было больше жизни впереди. Левиафан шел на него из глубины — снизу вверх, выдыхая суматошную белую воду. Хоть не напрасно тонуть буду, понял тогда Саам. Он вообще все вдруг про себя понял. Вспахивал воду нос лодки... Саам балансировал, налегая поочередно то на один борт, то на другой, чтобы утлая дрянь не вывернулась из-под него некстати. Волна дохнула прямо в лицо, ополоснув стекляшку... потом поднатужилась и накрыла его с головой, и стало вдруг видно все и сразу — прозрачно и ясно.

Поднималась мимо глаз вода, наполненная великим множеством мелких суетливых пузырей. Шипел воздух, с избытком наполняя ведро и сдерживая у подбородка толкающую снизу воду. От воздуха было тесно в ведре, давило виски, мысли прыгали туда-сюда, будто ударяясь о мягкую обивку и отскакивая обратно в голову.

А если и правда добуду вдруг Левиафанов портрет, обрадуется ведь плешивый? Наградит? Схоронит ли старуху по-людски, по-над рекой, на высоком берегу, на ровном месте, где мужики не косят траву и не привязывают коз пастись? Позаботится ли о девках, назначит ли им смиренных мужей, чтобы жили и помнили отца? Заставит ли братьев Сарпетян отблагодарить за спасенные сундуки, если вдруг найду их на дне, среди пузырей и ила? Саам опомнился — проверил дагерротипный аппарат на груди, проверил веревку на поясе, коей будет цеплять сундуки... Лодка, нырнув как большая рыба, наконец сбросила его, наподдав напоследок новой поперечиной под поясицу. Он оттолкнулся от нее, потеряв пару громких, но нестрашных пузырей воздуха через воротник, — вода чуть приподнялась, затрепетав под нижней губой, но Саам вытянулся столбиком в воде, и тогда воздух, нагнетаемый мехами с берега, поборол воду, оттеснил ее вон из ведра.

Помня наставления усатого дядьки, Саам удержался, не посмотрел прощально вверх, где прыгал дождь по светлой пленке реки, выбивая из нее запятые и точки... Но и вниз тоже не велено было смотреть — надвигается ли дно, ошетинилось оно корягами или уготовило ему иловую трясику на многие века. Саам уставился прямо перед собой. Пузыри, которые порождало его погружение, быстро сносило прочь — он был, видимо, на самом стрежне, в главном русле реки. Он почувствовал, как сдавливает грудь, как чаще и мельче становятся вдохи-выдохи, как начинает потаенно и грозно шуметь в ушах. Какая ж тут глубина? Никто из плотогонов не мерил глубину реки на стрежне... Зачем? Стайка стремительных рыбешек брызнула вдруг прямо за стекляшкой, улепетывая от кого-то. Саам и глазом повести не успел. Вокруг угрюмо и медленно гас свет, из желтых сумерек обращаясь в цепкий придонный мрак. Что-то совсем темное шло на него снизу — Саам заметил его в последний миг, судорожно поджал ноги... и оно плавно, почти нечувствительно надавило на его подошвы. Тотчас вялая вода вокруг ожила — извернулась тугой воронкой, болтанула его и уронила... Саам едва сумел устоять, отчаянно перебирая по дну

непослушными сапогами... он растерял почти весь воздух из ведра, пока плясал и выпрямлялся, — вода насмешливо коснулась ноздрей... замерла... нехотя выщедилась вниз... он задышал и выкашлял то, что не успел глотнуть...

Облака придонной мути, поднятые его падением, потихоньку опадали. Он сделал первый робкий приставной шаг, как учил дядька.

Идти было совершенно невозможно — скользкая спутанная трава почти до колен. Саам делал один шаг, потом отдыхал, привыкая к мысли, что все еще жив... и лишь тогда начинал делать следующий... Всего тысяча шагов, или что-то вроде этого, понадобилась ему, чтобы выбрести на ровное дно.

Здесь было даже светлее — песок снизу отсвечивал желтым, и ил больше не набухал вокруг бурными кляксами от малейшего движения. Где же Левиафан? Переступая, Саам оборотился кругом, путаясь в веревках и шлангах... и почти не удивился, вдруг напоровшись взглядом на сундук.

Тот косо торчал из дна, до половины затянутый в песок.

Саам брел на него, пока не перестал его видеть при таком строгом положении головы... а потом, еще через полсотни осторожных шагов, ткнулся коленом в острый край. Он присел, по-прежнему глядя перед собой, ощупью нашел железное кольцо, пропустил в него веревку, обогнул сундук дважды или трижды... изнемогая в негнущейся рукавице, соорудил неряшливый, но надежнейший узел.

Второго сундука не было нигде, сколько Саам ни таращился сквозь стекляшку, сколько ни делал бестолковых оборотов. Не было, хоть провались... Хватит ли братьям одного, чтоб не обидели старуху, не тронули девок? Саам отважился спуститься в заросли травы и принялся рыскать по ней, ворошить и раздвигать спутанные стебли. Шланги тянулись за ним рывками, натягиваясь, и в ушах хлопало, когда очередной колтун водорослей рвался и отпускал... они уже сплошь сочились торопливыми пузырями, когда ему снова повезло — он опять выбрался из ямы на чистое дно...

Гладкие камни лежали здесь всюду — огромные и округлые, как утопавшие коровы. Над их боками мерно колыхалась вода. Саам увидел вялое движение там — надулась и опала кожа на утопленнике. Он приблизился, совершенно позабыв дышать и потому почти не расходуя воздуха.

Течение таскало туда-сюда лоскуты серой ткани, тело парило в воде, не касаясь дна — что-то удерживало его, не позволяя всплыть. Саам пошарил ногой по дну — и оно шевельнулось и звякнуло, почти беззвучно, но осязаемо. Цепь была тяжелее трупа, большая часть ее лежала на дне, и песок успел затянуть ее, но второй сундук братьев Сарпетян валялся на боку рядом, окованный железом угол касался валуна... и совсем дурачком нужно быть, чтобы чего-то тут не понять.

Саам протянул рукавицу, отвел отвороты одежды и открыл покойнику лицо — словно распахнул занавески.

Лоцман Ирва страшно распух в воде и был уже бел, словно брюхо рыбыны. Саам вряд ли признал бы его по лицу — тут, в неверном подводном мраке... но знакомая борода клинышком торчала вперед и была, как и прежде, солнечно-рыжей.

Саам стоял подле наставника невесть сколько времени, потом очнулся вдруг, снова ощутив мыльные касания воды на щеках. Вода опять поднималась в ведре — медленно... медленно... Должно быть, надорванные рывками шланги уже не справлялись с давлением — тот, что был у Саама в поле зрения, походил скорее на сплошную гирлянду пузырей.

Он обмотал веревкой и второй сундук и только потом дал волю гневу...

Братья Сарпетян, стоя на берегу, конечно, не услышали его проклятий. А плешивому и вовсе было плевать на них. Саам, стоя на дне, в ярости сжимал рукавицы — жалкое подобие кулаков. Саам ненавидел их всех — братьев-разбойников, приковавших Ирву к проклятому своему сундуку... плешивого, который совершенно точно был с ними заодно... лодочников и работников пристани, что стерегли Саама в кабаке до самого рассвета... зевак на обрыве, лапотников, пацанву, баб с треклятыми их коромыслами...

Только владелец красилен был тут, скорее всего, совсем ни при чем — просто красные и синие тряпки в белой кипящей воде...

Нет здесь Левиафана, понял Саам. Не слатывал он Ирву, отца родного двум худым некрасивым девкам и его, Саама, отца. Не нужен никакой Левиафан, когда тут такое... Приковали лоцмана к сундуку, горбоносые! Девки не троньте, заорал он впустую с самого дна. Старухе дайте самой помереть!

Он вспомнил об узле в руках — затянул последнюю петлю, несколько раз что есть силы дернул веревку. Где-то там, на невообразимо далеком берегу, его сразу поняли — веревка натянулась, едва его самого не опрокинув, потянула увязающий углами сундук из песка. Саам поспешно отступил в сторону.

Медленно возносился сундук над желтым дном, вот уже на ладонь поднялся, потом на целый локоть... Всплыл наравне с Ирвой — того топила своим весом длинная цепь, изогнутая теперь кривоватым бабьим коромыслом. Саам вдруг понял, как ему попрощаться с отцом, — нащупал рычажок на дагерротипном аппарате, взвел его и отпустил, целясь линзой в лоцмана Ирву и на утопивший его сундук...

Вот вам — Левиафан.

Вот вам всем, сказал он окрашенным в голубое от химического огня пузырям. Вот тебе, плешивый, получай свой Левиафанов портрет.

Порошок в стеклянной колбе поверх аппарата выгорел и погас — свернулось голубое пламя, сомкнулся снова зеленовато-белесый мрак. Сундук ушел на ту высоту, где было опасно следить за ним взглядом.

Звено за звеном следом воспаряла цепь, освобождаясь из песка. Наконец, она выбралась вся и потянула за собой тело лоцмана Ирвы.

Не зная, что ему делать теперь, Саам отстегнул аппарат с груди и отпустил его — тот медленно начал подниматься, влекомый собственным

поплавком. Какая-то заполошная рыба сразу клюнула его в линзу и испуганно порскнула прочь. Вдруг хрюкнуло из шланга, будто поросём... шипение воздуха прервалось, сбилось, потом пропало совсем. Саам глянул вдоль пузырящего только что рукава... но там больше не пузырилось. Сам шланг, мягко прогибаясь, падал на дно — то ли порвавшийся, то ли просто отрезанный. Вот, значит, вы как, отрешенно подумал Саам.

Шланг задержался у него на плече — злым червем спешила по нему вода. Саам перехватил шланг быстрым узлом — вода ткнулась в узел и осеклась. Медленно, боясь расплескать последний воздух из ведра, Саам встал абсолютно прямо. Сейчас, когда обрубил воздух, не стало и мешающих пузырей — донный мрак по-прежнему оставался мраком, но без суматошного этого мельтешения стал просматриваться на добрые пару десятков шагов. Или, быть может, наверху всходило солнце, пронизывало лучами неподатливую воду, чуть просветляя ее, — куда бы ни смотрел теперь Саам, предел его зрения отодвигался все дальше и дальше...

Он увидел — где колыхалась трава, собираясь у самого дна в спутанные пучки, там кишело великое полчище раков, что не осмеливались, однако, выйти на голый песок. Их клешни с жадностью стригли пустую воду, а глаза и тонкие стебельки усов — высывались и скрывались.

Не зная, сколько осталось еще ему времени, Саам тратил его впустую — просто стоял и смотрел на этих копошащихся тварей. И они — видели, что Саам смотрит, они знали, что Саам уже принадлежит им, они трепетали от нетерпения... выглядывая... прячась... снова выглядывая... затевая жестокие безмолвные драки... но нипочем не шли на песок. Саам не мог понять, чего они медлят, и это с ума его сводило. Чего ждут? Почему не ползут к нему, торопясь успеть раньше, чем соседи? Ведь чем дольше они тянут, тем яростнее им придется сражаться за последние кусочки Саама. Он поперхнулся вдруг вдохом и закашлял — прямо в воду. Раки всполошились, аж подпрыгнули, засучили клешнями, но опять не пошли из укрытия — и Саам понял, что они и впрямь боятся. Нет, не его боятся, уже вполне себе утопленника, — сколько таких, уже покорных или все еще трепыхающихся, им приходилось пробовать. Не на дохлой рыбе же они отожрались и расплодились. Что-то за его спиной пугало раков больше драки, больше несправедливой дележки. Саам обернулся, уже не скованный заботой о безопасном положении головы. Там, из-за лоснящегося бока валуна, чуть подальше того места, где плавал недавно бедный Ирва, глядел на него из тускнеющего мрака Левиафан...

Он был полуневидим, он висел неподвижно в толще воды, и он был огромен. Его шарообразная бронированная голова была усеяна сплошь тяжелыми ржавыми шипами. Скользкая донная зелень прирастала снизу, и оттого казалось, что Левиафан бородат. Саам смотрел — уже корчась от потуг вдохнуть воду, уже теряя остатки разума. У Левиафана не было глаз. Он тупо таращился в никуда, словно прислушиваясь к тому, как громко и отчаянно лупит в воде сердце Саама. У Левиафана не было плавников, только витой железный хвост, что волочил по дну привязанный груз. Когда вода шевельнула его, развевая патлы водорослей и до смерти

перепугав раков, — Левиафан послушался воду и толкнулся по ее течению... — тогда груз рывком проволочся по дну, оставив рваную борозду и потревоженную взвесь песка, наскоро врачующую ее. У Левиафана не было пасти... или, быть может, он пока держал ее стиснутой — Саам, теряя сознание, уже не мог поручиться даже за это. Он сделал инстинктивную попытку отступить прочь, но руки и ноги отказали ему — он уже был мертвецом, игрушкой подводных течений. Если бы не железо на сапогах, его бы уже тащило прочь, переворачивая по дну и корежа. Но железо удерживало его на месте, болтаемый водой песок собирался вокруг циклолоток. Левиафан снова качнулся, еще чуть придвинувшись, — будто раздумывал, стоит ли отверзать пасть из-за столь малого и ничтожного, как Саам. Шипы на его голове дрогнули и испустили мгновенную рябь, искажившую и без того неверную перспективу. Смелые рыбешки, что вились между этих шипов, тотчас брызнули прочь. И раки в панике застригли клешнями и попятились задом, забираясь один на другого. И Саам, захлебываясь... помирая... почувствовал вдруг, как той же мгновенной дрожью отозвалось Левиафану железо на его сапогах, отозвалось железо на голове — ведро загудело, заклокотала вода в беспомощных ушах... Саам заорал от ужаса, пуская последние пузыри из немого рта, попытался сорвать это ведро с головы, но не справился с ремнями... и умер... А Левиафан, наконец почуяв и распознав Саама в воде, все же разверз чудовищную свою пасть и ринулся во все стороны разом перекрученным, белым от ярости, пара и ослепительного пламени взрывом...

